

УДК 343.3/.7

Трахов Аслан Исмаилович

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Zarema_b2008@mail.ru

Бешукова Зарема Муратовна

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Адыгейский государственный университет
Zarema_b2008@mail.ru

Aslan I. Trakhov

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Zarema_b2008@mail.ru

Zarema M. Beshukova

Doctor of Law, Docent,
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Adyghe State University
Zarema_b2008@mail.ru

**Бланкетность антиэкстремистских норм уголовного закона:
как решить уравнение с неизвестным количеством
переменных (на примере статьи 280 УК РФ)?**

**Blanket nature of anti-extremist norms of the Criminal Law:
how to solve an equation with an unknown number of variables
(on the example of Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation)?**

Аннотация. Цель работы состоит в анализе проблем квалификации деяний, ответственность за которые регламентирована в ст. 280 УК РФ, обусловленных содержанием в ее диспозиции такого бланкетного понятия как экстремистская деятельность. Установлено, что высокая степень бланкетности ст. 280 УК РФ привела к содержательному усложнению ее диспозиции, несмотря на лаконичное текстуальное изложение. Выявлены внутриотраслевая и межотраслевая коллизии, возникающие при применении данной уголовно-правовой нормы. Сделан вывод, что данные коллизии целесообразно окончательно разрешить. Это возможно сделать только на законодательном уровне. В связи с этим, предложены следующие решения: необходимо, во-первых, внести в диспозицию ч. 1 ст. 280 изменения, носящие конкретизированный характер, во-вторых, исключить из закрепленного в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии

экстремистской деятельности» понятия «экстремистская деятельность» словосочетание «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность».

Ключевые слова: *экстремизм, экстремистская деятельность, терроризм, бланкетная норма права, оправдание терроризма, возбуждение вражды, квалификация, публичные призывы.*

Annotation. *The purpose of the work is to analyze the problems of qualification of acts, the responsibility for which is regulated in Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the content in its disposition of such a blanket concept as extremist activity. It has been established that a high degree of blanketity of Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation led to a meaningful complication of its disposition, despite the laconic textual presentation. Identified intra-industry and inter-industry conflicts arising from the application of this criminal law norm. It is concluded that it is advisable to finally resolve these collisions. This can only be done at the legislative level. In this regard, the following solutions are proposed: it is necessary, firstly, to introduce Part 1 of Art. 280 amendments of a specific nature, secondly, to exclude the phrase “public justification of terrorism and other terrorist activities” from the concept of “extremist activity” enshrined in the Federal Act of the Russian Federation of 25 July 2002, No. 114-FZ «On Counteracting Extremist Activity».*

Keywords: *extremism, extremist activity, terrorism, blanket norm of law, justification of terrorism, incitement of hatred, qualification, public appeals.*

1 Введение.

В конце 2019 г. мир столкнулся с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Пандемия коронавирусной инфекции нанесла серьезный ущерб мировой экономике, экономическому развитию значительного числа отдельно взятых государств, масштабным потрясениям подверглись также социальная сфера и культура многих стран. Не осталась в стороне от влияния пандемии и преступность. Введение ограничительных мер, связанных с предотвращением распространения новой коронавирусной инфекции, привело к снижению количества преступлений в ряде стран мира, вместе с тем серьезные изменения произошли в структуре преступности. Впрочем, это вполне логично и было вполне прогнозируемо. Так, например, ограничение свободного передвижения закономерно привело к снижению уличной преступности, количеству краж из жилых помещений, а также преступлений, совершаемых лицами без гражданства и иностранными гражданами, и др. Существенный рост числа преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет», в условиях ограничительных мер, также был неизбежен. Вспышка нового коронавируса, ставшая мировой проблемой, явилась причиной роста числа преступлений, являющихся проявлениями экстремистской и террористической деятельности. В обозначенный период отмечается усиление присутствия экстремистских и террористических сообществ в сети «Интернет». Лидеры и члены данных преступных объединений активизировали свою деятельность с целью расширения сферы

своего влияния, используя, во-первых, возникшую социальную напряженность, во-вторых, ограничения, заставившие людей в подавляющем большинстве стран мира проводить длительное время в виртуальном пространстве. Резюмируя изложенное, следует констатировать, что во время пандемии проявления экстремизма получили новое дыхание [1].

В условиях всеобщей цифровой трансформации особую актуальность приобретает проблема противодействия экстремизму в киберпространстве [2, с. 1-20]. Уголовный закон России включает ряд норм, которыми предусмотрена ответственность за проявления экстремизма, совершенные в виртуальном пространстве. В их число входит статья 280 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), высокий предупредительный потенциал которой неоспорим. Вместе с тем в правоприменительной практике возникают проблемы, связанные с включением в законодательное описание состава данного преступления бланкетных понятий.

Бланкетный способ изложения нормативных правовых предписаний является широко востребованным практически во всех отраслях российского права, и уголовное право, конечно, не является исключением. Преимущества данного способа [3, с. 139-143], как, впрочем, и его недостатки, достаточно детально освещены на страницах юридической печати [4, с. 4-10], поэтому позволим себе оставить их за рамками настоящего исследования, и уделим свое внимание поиску ответа на вопрос, вынесенный в названии настоящей статьи.

2 Методология исследования.

Прежде всего, отметим, что если не оговорено иное, в настоящем исследовании, слова «экстремистская деятельность» и «экстремизм» используются в качестве синонимов, и имеют тоже значение, что и в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 01.07.2021) (далее по тексту – Закон № 114-ФЗ).

Методологической основой работы является диалектический метод познания явлений и процессов. Также при проведении исследования были использованы методы моделирования, обобщения, системно-структурного анализа, а также формально-юридический метод.

3 Обсуждение и результаты.

3.1 Легальное понятие экстремизма (экстремистской деятельности): содержание и объем понятия.

Несмотря на то, что мы находимся на пороге 20-летнего юбилея Закона № 114-ФЗ, на страницах юридической печати по сей день не теряет актуальности вопрос относительно содержания понятия «экстремистская деятельность» (экстремизма), в том числе, и в контексте включения определения рассматриваемого понятия в уголовный закон. Однако верной представляется позиция, что «его законодательное закрепление может оказать негативное воздействие на практику» [5, с. 3-5]. Главная причина и, по сути, единственная, по которой легальное определение понятия «экстремистская деятельность» подвергается серьезной критике со стороны большинства исследователей,

остается неизменной – его чрезмерная широта и включение в его объем ряда деяний, которые, сложно назвать экстремизмом.

На страницах периодической печати представлен ряд авторских классификаций деяний, объединенных законодателем в понятие «экстремизм». Одним из авторов настоящего исследования разработана модель системы преступных проявлений экстремизма [6, с. 41-74]. Она построена на основе данных, полученных в результате анализа соотносимых положений федеральных законов от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и УК РФ. Все преступные деяния, входящие в объем легального понятия экстремизма (экстремистской деятельности), согласно данной модели, образуют трехзвенную систему, которая представлена ниже.

Первое звено образует система преступлений, связанных с экстремистской деятельностью. Она включает достаточно обширное число уголовно-наказуемых деяний. Учет, так называемого, критерия «концентрированности» экстремизма, а главное – содержание легального понятия «преступления экстремистской направленности», позволили разделить эту систему на две группы. Первая группа объединяет все преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности. К таковым автором отнесены деяния, уголовная ответственность за которые регламентирована в статьях 280, 280.1, 280.2, 282, 282.1, 282.2, 282.3. Вторую группу образуют преступления экстремистской направленности. Такой критерий, как отсутствие либо наличие мотива ненависти или вражды по обозначенным в уголовном законе признакам в законодательной конструкции состава преступления, выступил своеобразным водоразделом для преступлений экстремистской направленности. Иными словами, он позволил их разделить на две подгруппы. В первую подгруппу «Константные преступления экстремистской направленности» включены преступления, в составе которых этот мотив присутствует, то есть, является обязательным признаком основного либо квалифицированного состава. Разумеется, данная подгруппа аккумулирует преступления, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244, ст. 282.1 УК РФ. Логично, что преступления, в составе которых мотив ненависти или вражды вообще не содержится, автор отнес ко второй подгруппе. Последняя, по вполне понятной причине, получила название «вариативные преступления экстремистской направленности». В силу этого же обстоятельства, перечень уголовно-наказуемых деяний, включенных в эту подгруппу, остается неопределенным. Таким образом, вариативным преступлением экстремистской направленности является любое преступление, в случае его совершения по «экстремистскому» мотиву [6, с. 73-74].

Второе звено, согласно авторской модели, образовано системой преступлений, связанных с террористической деятельностью. Они

представлены в следующих уголовно-правовых нормах: 205, 205.1-205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277-279, 360 и 361.

Третье звено включает систему преступлений, обозначенных автором, как иные, условно связанные с экстремистской деятельностью. Это - деяния, предусмотренные статьями 128¹, 136, 141, 148, 294, 298.1, 315, 317, 320 УК РФ [6, с. 74].

Таким образом, как следует из представленной модели, легальное понятие «экстремизм» (экстремистской деятельности), во-первых, носит конкретизированный характер, выражающийся во включении в его объем четкого перечня деяний. Во-вторых, – абстрактный, поскольку экстремизмом признается любое уголовно-наказуемое деяние в случае его совершения по мотиву ненависти или вражды по определенным в уголовном законе признакам.

Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 1 Закона № 114-ФЗ, в объем легального понятия «экстремистская деятельность» входят отдельные деяния, являющиеся административными правонарушениями. Это, *во-первых*, деяния, корреспондирующие нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), в которых содержатся составы исковых административных правонарушений, то есть деяния, предусмотренные статьями 20.3 и 20.29 КоАП РФ.

Во-вторых, деяния, которым корреспондируют нормы КоАП РФ, регламентирующие ответственность за деяния, получившие статус административных правонарушений в результате частичной декриминализации деяний, предусмотренных статьями 280.1 и 282 УК РФ. Это – статьи 20.3.1 и 20.3.2 КоАП РФ.

Таким образом, получается, что деяния, с так называемым, приобретенным статусом административных правонарушений, фактически получили двойную прописку – в качестве как административно наказуемого, так и уголовно наказуемого деяния, в перечне деяний, входящих в объем легального определения экстремизма. Объясняется это тем, что каждое из этих деяний признается преступлением, если совершено лицом повторно в течение одного года.

3.2 Бланкетность уголовно-правового предписания в составе публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (статья 280 УК РФ): вопросы квалификации.

В современный период развития общества проблема противодействия экстремистской деятельности в сети «Интернет» относится к числу архиважных. Развитие процессов, связанных с всеобщей цифровизацией и цифровой трансформацией, происходит с молниеносной скоростью. С такой же скоростью распространяется и экстремистская идеология. Лидеры и члены преступных объединений, используя возможности современных информационно-телекоммуникационных технологий, ежедневно увеличивают свою аудиторию, растет количество потенциальных рекрутов для участия в различных экстремистских и террористических группах. При этом арсенал

представителей экстремистских групп для оказания манипулятивного воздействия на психику достаточно широк. В ход идут различные средства, начиная от самых простых – откровенно фейковых сообщений, заканчивая использованием более сложных технологий, таких как методы геймификации, а также рекламы и маркетинга. В связи с этим, в последние годы достаточно широкую распространенность в рамках научной парадигмы получило такое словосочетание как вербальный экстремизм. Оно используется одновременно (а порой и синонимично) с такими терминами как «речи ненависти», «экстремистские нарративы», «проповеди ненависти» и «язык вражды».

Особая опасность экстремизма, в том числе, и вербального, в Российской Федерации была осознана не сегодня, а более 20 лет назад. Так, ещё в 2002 г., как ответ на возникшую угрозу, была установлена, среди прочего, уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Здесь сразу следует уточнить, что в уголовный закон не была введена новая норма, а кардинальным изменениям подверглась действующая – статья 280. Полностью была изменена не только редакция, но и наименование названной уголовно-правовой нормы.

Действующая редакция диспозиции ч. 1 ст. 280 УК РФ сформулирована лаконично и представляет собой текст, полностью воспроизводящий название самой уголовно-правовой нормы. Соответственно, и действия, образующие объективную сторону преступления, выражаются только в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности. Существенным недостатком подобной законодательной формулировки является высокая степень бланкетности уголовно-правового предписания. Для того, чтобы определить какие призывы подпадают под действие обозначенной нормы, необходимо обратиться к ст. 1 Закона № 114-ФЗ. Выводы, сделанные в предыдущем разделе настоящего исследования, относительно содержания легальной дефиниции экстремизма, позволяют констатировать, что применение анализируемой уголовно-правовой нормы может вызвать как внутриотраслевую, так и межотраслевую коллизию.

3.2.1 Межотраслевая коллизия.

Буквальное толкование уголовного закона, зачастую к которому склоняется правоприменитель, означает, что уголовно-наказуемыми должны признаваться публичные призывы к совершению абсолютно всех действий, подпадающих под легальное понятие экстремистской деятельности. Это предполагает, что уголовной ответственности должны подлежать, в том числе, и лица, призывающие к совершению действий, предусмотренных статьями 20.3 и 20.29 КоАП РФ, а с декабря 2018 г. и статьей 20.3.1 КоАП РФ. Таким образом, возникает ситуация при которой нормы уголовного права выполняют обслуживающую, и более того подчиненную, роль по отношению к институту административной ответственности. В связи с этим полагаем возможным, с определенной степенью условности, вести речь о межотраслевой коллизии. Причем, еще с одной важной оговоркой – коллидирующие нормы не

согласованы только содержательно, они не находятся в отношениях противоречивости.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее по тексту – Постановление № 11) решения данного вопроса не содержится, хотя он рассматривался при обсуждении его проекта. За время своего действия данный документ трижды подвергался изменениям, однако Пленум свою позицию в контексте данного вопроса до сих пор не обозначил. Вместе с тем, отсутствие правовой позиции высшего судебного органа означает, что данная коллизия должна разрешаться правоприменителем в каждом конкретном случае по своему усмотрению.

В п. 5 Постановления № 11 Пленум обратил внимание судов, что «статьей 280 УК РФ предусмотрена ответственность лишь за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. *Публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д., либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по статье 282 УК РФ при наличии иных признаков этого состава преступления*» (курсив – авт.). Данная рекомендация частично помогает преодолеть возникшую коллизию и позволяет исключить из списка коллидирующих норм ст. 20.3.1 КоАП РФ.

Однако вопрос о квалификации публичных призывов к совершению действий, являющихся проявлениями экстремизма, и образующих состав административных правонарушений (обозначенных нами ранее как исконно административные правонарушения), до сих пор остается без ответа. В доктрине уголовного права в качестве рекомендации правоприменителю высказано мнение о целесообразности в подобных случаях прибегать к ограничительному толкованию положений ст. 280 УК РФ [7, с. 8], и, тем самым, сужать круг деяний, на которые распространяется действие данной уголовно-правовой нормы. Однако наиболее оптимальным решением данного вопроса является окончательное разрешение обозначенной коллизии, то есть ее устранение. Последнее возможно только на законодательном уровне путем внесения соответствующих изменений в диспозицию ч. 1 ст. 280 УК РФ. В связи с этим оптимальной видится следующая законодательная формулировка диспозиции ч. 1 ст. 280 УК: «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, за которую предусмотрена уголовная ответственность, – наказываются ...».

3.2.2 Внутриотраслевая коллизия.

В июле 2006 г. уголовный закон России был дополнен нормой, которой устанавливалась ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Этой новеллой статус преступлений придавался деяниям, которые, по сути, и ранее были признаны уголовно наказуемыми. Иными словами, новой уголовно-

правовой нормой они были выведены из-под действия статьи 280 УК РФ. Теперь, ответственность за них регламентировалась в отдельной правовой норме – ст. 205.2. Следует отметить, что специальная криминализация отдельных видов преступлений является одной из тенденций (пусть и не самых ярких, но, тем не менее, она обозначена) развития современного уголовного законодательства. Такое дробление общих норм уголовного закона получает достаточно часто низкую оценку в уголовно-правовой науке. Так, в свое время, критически оценено было и введение в уголовный закон статьи 282.3. Вместе с тем, именно специальная криминализация отдельных видов преступлений наиболее полно отражает характеристические признаки каждого вида преступлений, что позволяет, в свою очередь, правильно дифференцировать уголовную ответственность.

Таким образом, с введением новой уголовно-правовой нормы, согласно правилам квалификации, изложенным в ч. 3 ст. 17 УК РФ, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности подлежат квалификации по ч. 1 или ч. 2 ст. 205.2 УК РФ. В Постановлении № 11 изложена аналогичная позиция Пленума Верховного Суда. И, на первый взгляд, действительно, все просто, коллизия отсутствует. Вместе с тем, исследование материалов конкретных уголовных дел позволило сделать вывод о том, что публичные призывы могут содержать наряду с призывами к осуществлению террористической деятельности, и призывы к осуществлению иных деяний, входящих в объем легального понятия экстремистской деятельности [8, с. 78-81]. И тогда, особую актуальность обретает следующий вопрос: имеет ли место быть в подобных случаях совокупность преступлений, предусмотренных статьями 280 и 205.2 УК РФ, или таковая отсутствует? В Постановлении № 11 ответ на него не содержится. Не имеется он и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Для правильного ответа на поставленный выше вопрос, необходимо рассмотреть Постановление № 11 с точки зрения ретроспективы. Полагаем, что в рассматриваемом нами случае ключевое значение имеет правовая позиция Пленума, содержащаяся в первоначальной редакции пункта 19 данного документа. Тогда, в 2011 г., ввиду отсутствия самостоятельного уголовно-правового запрета, ныне сформулированного в ст. 205.5 УК, Пленум указал, что «при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 282.2 УК РФ, к общественным или религиозным объединениям либо к иным организациям, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, следует относить организации, указанные в специальных перечнях (списках) в соответствии со статьей 9 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности" и статьей 24 Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ "О противодействии терроризму"». Этот вывод основывался на закреплённом в

законодательстве понятии, а именно, что террористическая деятельность есть разновидность экстремистской деятельности. На данное обстоятельство Пленум Верховного Суда сделал прямое указание.

В ноябре 2013 г. в результате очередной реформы в уголовный закон были внесены изменения (введена статья 205.5), которые сделали процитированное выше разъяснение Пленума неприменимым. Впоследствии изменениям в соответствующей части подверглась и редакция пункта 19 Постановления. Получается, что в настоящее время данное разъяснение высшей судебной инстанции утратило силу. Однако, несмотря на это, в контексте рассматриваемого нами вопроса оно имеет важное практическое значение, поскольку обозначенные выше положения ст. 1 Закона № 114-ФЗ *остались неизменными*.

Обобщение полученных выводов позволяет сформулировать следующее предложение *de lege lata*: «При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьями 205.2 и 280 УК РФ, следует учитывать, что террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности. Публичные призывы, содержащие одновременно призывы к осуществлению, как террористической деятельности, так и к осуществлению иных форм проявления экстремистской деятельности, не образуют совокупности преступлений, предусмотренных статьями 205.2 и 280 УК РФ. Данные деяния охватываются статьей 280 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по статье 205.2 УК РФ» [8, с. 79-80].

Другим вариантом (и, впрочем, наиболее перспективным) решения обозначенной проблемы является разделение на законодательном уровне экстремистской деятельности и террористической деятельности, несмотря на их «генетическую» связь. В связи с этим полагаем целесообразным из п. 1 ст. 1 Закона № 114-ФЗ исключить словосочетание «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность». Практическая реализация данного предложения устранил не только имеющиеся проблемы квалификации, но и повысит эффективность противодействия как экстремистской, так и террористической деятельности.

4 Заключение.

Диспозиция ст. 280 УК РФ является одной из самых лаконичных в уголовном законе России. К слову, она состоит всего из шести слов, одно из которых является словом служебной части речи (предлог «к»). Однако высокий уровень бланкетности данной уголовно-правовой нормы приводит к содержательному усложнению ее диспозиции, вследствие чего затрудняются ее толкование и применение.

Бланкетность диспозиции ст. 280 УК РФ требует обращения к положениям п. 1 ст. Закона № 114-ФЗ, а они, в свою очередь, возвращают правоприменителя вновь к уголовно-правовым предписаниям, либо обращают его взгляд на соответствующие нормы Кодекса РФ об административных правонарушениях. В связи с этим полагаем возможным обозначить диспозицию ч. 1 ст. 280 УК РФ как имеющую двойной уровень бланкетности.

Аккумулируя все ранее изложенное, можно сделать вывод о том, что внутриотраслевую и межотраслевую коллизии, возникающие при применении названной уголовно-правовой нормы, целесообразно окончательно разрешить. Это можно сделать только на законодательном уровне.

В связи с этим, предложены возможные законодательные решения:

- 1) представлен авторский проект диспозиции ч. 1 ст. 280 УК РФ;
- 2) сформулировано предложение об исключении из объема деяний, входящих в легальное определение экстремизма, публичного оправдания терроризма и иной террористической деятельности.

Таким образом, на вопрос, вынесенный в наименовании настоящей статьи, можно ответить следующим образом: в настоящий момент в данном уравнении решений, соответствующих букве и духу уголовного закона, не имеется.

Литература:

1. R. Burchill. *Extremism in the Time of COVID-19 (July 15, 2020)*. Bussola Research Paper No. 6 [Electronic resource]. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3693293> (Accessed 12 February 2022).

2. C. Winter, P. Neumann, A. Meleagrou-Hitchens, M. Ranstorp, L. Vidino, & J. Fürst. *Online extremism: Research trends in internet activism, radicalization, and counter-strategies*. *International Journal of Conflict and Violence*, **14(2)**, 1–20. (2020). doi: 10.4119/ijcv-3809

3. Жук М.С. *Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права // Общество и право. 2010. № 4 (31). С. 139–143.*

4. Пикуров Н.И. *Надо ли рубить гордые узлы бланкетности? // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 2. С. 4–10.*

5. Мацкевич И.М. *О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 3–5.*

6. Бешукова З.М. *Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. 632 с.*

7. Хлебушкин А.Г. *Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 27 с.*

8. Трахов А.И., Бешукова З.М. *Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 78–81.*

Literature:

1. R. Burchill. *Extremism in the Time of COVID-19 (July 15, 2020)*. Bussola Research Paper No. 6 [Electronic resource]. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3693293> (Accessed 12 February 2022).

2. C. Winter, P. Neumann, A. Meleagrou-Hitchens, M. Ranstorp, L. Vidino, & J. Fürst. *Online extremism: Research trends in internet activism, radicalization, and counter-strategies*. *International Journal of Conflict and Violence*, **14(2)**, 1–20. (2020). doi: 10.4119/ijcv-3809

3. Zhuk M.S. *Blanket norm of law as a reflection of Criminal Law's interbranch connections* // *Society and Law*. 2010. № 4 (31). P. 139–143.

4. Pikurov N.I. *Is it necessary to cut the Gordian knot of blanketness?* // *Library of Criminal Law and Criminology*. 2013. № 2. P. 4–10.

5. Matskevich I.M. *On proposals aimed at further improvement of legislation on extremism* // *Legal education and science*. 2014. № 2. P. 3–5.

6. Beshukova Z.M. *The mechanism of criminal law counteraction to extremist activity: content, structure, main directions of optimization: dis. ... of Dr. of legal sciences*. Krasnodar, 2020. 632 p.

7. Khlebushkin A.G. *Criminal extremism: concept, types, problems of criminalization and penalization: abstract dis. ... of cand. of legal sciences*. Saratov, 2007. 27 p.

8. Trakhov A.I., Beshukova Z.M. *Crimes of an extremist orientation: problems legislative regulation and right application* // *Society and Law*. 2013. № 2 (44). P. 78–81.